

Арина Шарапова встречает юбилей

Арина Шарапова вступает в возраст, который по ковидной классификации считается проблематичным, но делает это с фирменной улыбкой, бодро, по-молодежному, жонглируя массой дел и проектов.

«МК» застал именинницу в движении и на ходу обсудил подъем в четыре утра, семейные советы, книжное воспитание и рэпера Моргенштерна.

Наверное, для работы на телевидении Арина Аяновна женщина слишком умная. Дипломатическая семья, философский факультет МГУ, переводческий факультет Института иностранных языков. С таким багажом она могла бы выбрать себе занятие более серьезное и менее нервное. Но вот характер у Арины очень даже телевизионный. Она старается извлекать из неприятного опыта только что-то положительное, не держит зла, легко расстается с тем, что перестало устраивать, и улыбается даже тогда, когда многим не до смеха.

Количество проектов и каналов, на которых она успела поработать, в общем впечатляет, как и то, что во всех ситуациях ей удалось оставаться той самой Ариной Шараповой, которая не разочаровывает ни себя, любимую, ни своих поклонников. Шестидесятилетие Арины выпало на выходной день, что, конечно, хороший повод хотя бы сутки подержать на паузе свою очень активную жизнь.

– Могу предположить, что отношения с возрастом у вас особенные, все-таки вы работаете в индустрии, где вне зависимости от паспортных данных подразумевается, что все молоды, здоровы и легки на подъем. Это, наверное, держит в тонусе?

– Это, конечно, один из тонизирующих моментов. У меня как будто есть только одно направление движения – вперед ну и, может быть, вверх. И это помогает выглядеть бодро. У нас все-таки конкурентная и довольно жесткая индустрия, и мы просто не можем себе позволить распускаться. Может быть, иногда лишние килограммы и выглядят вполне органично, но я все время борюсь с весом, делаю зарядку, даже когда очень хочется поспать. Я в это уже втянулась. Как говорила моя мама: «Арина, береги мою фигуру». У мамы всегда была идеальная фигура, и для меня это уже ее завет.

– Насколько я понимаю, у вас не так много времени, чтобы портить фигуру. Когда мы с вами договаривались об интервью, вы находились в Уфе, по возвращении в Москву у вас тоже плотный график. На месте вы явно не сидите...

– Жизнь у меня и правда очень активная. Вот недавно была в Уфе на огромном мероприятии социального характера «Территория женского счастья». Потом улетаю в «Артек», где буду заниматься со школьниками, и Петербург еще в планах. Дел полно, а между ними еще и съемки и на Первом и на «Звезде». Как-то кручусь.

– До недавнего времени вы вели «Доброе утро» и отдали этой программе больше двадцати лет. Наверное, жалели, когда уходили?

– В шоу-бизнесе и в спорте, правда, не у нас, а за границей, есть прекрасная формула. Они говорят: «Нужно уметь вовремя останавливаться». И я считаю, что остановилась вовремя. В «Доброе утро» сейчас много новых лиц и немало перспектив, считайте, что я решила людям дать дорогу. Ну сколько можно мне этим заниматься в конце концов.

– Вообще утренние программы, особенно те, которые идут в прямом эфире, изрядно способствуют выпаданию из жизни. Вы это ощущали?

– Иногда я просто не спала. Ведь кроме утренней программы у меня есть своя большая жизнь, свой бизнес в виде школы. И вот

я выходила из эфира в десять утра и начинала заниматься другими делами. Теперь учусь заново спать. Хотя бы до шести или до семи утра. Но меня прямо подрывает в четыре. Есть американский сериал «Утреннее шоу», и когда я его смотрела, то все время хохотала, потому что там у ведущей будильник всегда поставлен на три двадцать утра. Этот формат работы одинаков во всем мире. На французском канале TF2 тоже есть утреннее шоу, и ведущий, который работает в программе уже лет двадцать пять и которого обожают вся страна, как-то рассказывал, что вся семья подстроилась под график его жизни. Конечно, на такой работе важно не раскиснуть и еще умудриться неплохо выглядеть. Но мне было попроще, потому что я заядлый жаворонок. Однако не всем моим коллегам приходится легко. Ломка организма происходит довольно мощная, и, на мой взгляд, утреннее шоу – одна из самых сложных программ на телевидении и с точки зрения технологии, и в ведении.

– У вас было много проектов на разных каналах. Можно ли говорить о том, что вы легко меняете программы и умеете не оглядываться?

– «Доброе утро» мой любимый проект, но расставалась я с ним спокойно и, что называется, выходила с высоко поднятой головой. Однако были проекты, которые давались довольно тяжело. Это обычно происходило, когда что-то не совпадало с моим личным ощущением свободы. И я просто вставала и уходила, и хотя гордиться здесь нечем, мне сложно работать, когда покушаются на мое собственное «я». В такой ситуации лучше не работать совсем. Но если вспомнить мой проект «Арина», то его просто закрыли. Мощная была затея, но что-то где-то не сложилось. Проект просуществовал год, но потом его растащили на кусочки и сделали по его мотивам множество программ. Как мне сказал однажды Константин Эрнст: «Ты так много сделала для телевидения, что можешь вообще ничем не заниматься». Это было десять лет назад, но я продолжаю работать.

– В эпоху продюсерского телевидения даже люди известные могут услышать фразы вроде: «нам не нравится пилот, дальше продолжать не будем» или: «низкий рейтинг, нужно закрывать проект». Вы с такими ситуациями легко справляетесь?

– В моем случае такое было только один раз, именно с проектом «Арина». Я его придумала целиком и полностью, но с продюсированием не все пошло хорошо. Конечно, было очень больно, но зла я ни на кого не держу.

– Можно предположить, что телевидение не то чтобы очевидное для вас занятие. Вы из семьи потомственных гуманитариев и, наверное, могли бы найти для себя какое-то более академичное место работы. Родители были рады вашему выбору в пользу медиа?

– Родители практически все время работали за границей, поэтому решения я принимала самостоятельно. Об этом и поговорить-то особо было некогда. Я с самого детства была большой трудягой, наверное, поэтому родители оставались за меня спокойны. Ничего, вырулит куда-нибудь сама. Так что никакого сопротивления с их стороны я не встречала. Потом телевидение все-таки достойная работа. Одно время я работала фоторедактором в агентстве печати «Новости», и это тоже было нормальным делом.

– На телевидении всегда работали женщины, притом что этот род занятий считался в большей степени мужским прежде всего из-за неконтролируемого графика. А когда вы начинали работу на ТВ, к женской амбициозности и вовсе относились как к странности. За все эти годы вы никогда не ловили себя на желании заняться чем-нибудь попроще? Или вам все время везло с карьерой?

– Мне вообще все достается довольно тяжело. Наверное, под такими звездами родилась. Мои студенты, особенно девочки, часто задают мне вопрос о том, как можно сочетать личную жизнь и такую тяжелую работу. Для женщины это, конечно, самый главный вопрос, и ответить на него очень трудно. Наверное, должен женщине встретиться такой человек, который поймет, простит и смирится с твоим чудовищным расписанием. И найти такого человека – большое счастье. Сейчас я со всей ответственностью могу сказать, что такой человек рядом со мной есть. Я страшно благодарна Эдуарду, потому что только он может такое выдержать и выдерживает уже двадцать один год. А что

касается плюнуть и уйти, то, конечно, хотела. Пару раз точно. В девяностых мне даже предлагали работать пресс-секретарем министра обороны, наверное, сложился у меня образ мужественной женщины.

– И вы его мастерски поддерживали. В 2000 году вы вдруг уехали в Красноярск, где работали на местном телевидении, освещали очень непростые ситуации региональной жизни, и вам даже охрану тогда организовали...

– Ну без башки была девчонка. Хорошо быть молодым журналистом, он мало думает, просто идет вперед. Вот и я шла, делала интересные репортажи и, несмотря на то, что вроде бы далеко уехала, оставалась на обложках столичных газет и журналов. Круто же! Это, конечно, детективная история, нужно об этом книжку написать.

– В то время вы были не просто молодым журналистом, а еще и мамой. То есть думать вам приходилось не только о себе...

– Я никогда не думала, что должна делать карьеру. Просто работала, иногда побеждала, а иногда проигрывала. Конечно, все это отразилось на детстве Данилы. Он часто был со мной на работе, иногда его брали мои родители, одно время он даже за границей жил. Но я надеюсь, что сын на меня не сердится. К тому же в результате он тоже занимается телевидением и кино, так что все на пользу.

– Многие ваши коллеги иногда костыми готовы лечь, только бы их дети держались подальше от «Останкино». Вы, видимо, не из таких?

– Конечно, я готовила его к другому. Думала, поступит в финансовый университет, но в последнем классе школы он меня просто огорошил, когда сказал, что идет во ВГИК на продюсерское отделение. Я чуть в обморок не упала, потому что совершенно не хотела, чтобы он этим занимался. Но я как-то научилась идти вслед за детьми, и если они что-то выбирают, то стараюсь следовать за ними и во всем их поддерживать.

– Я слышал, что даже повороты в вашей карьере, как правило, становятся поводом для семейных советов. Это правда?

– Да, я всегда обсуждаю это в семье. Если раньше сын советовался со мной, то теперь я советуюсь с ним. И с мужем тоже. Я считаю, это необходимо. Иногда своей головы просто не хватает, нужна чья-то еще. Это же здорово – посоветоваться с сильными и умными мужчинами.

– Если честно, вы похожи на женщину, которая сама все знает и в советах особенно не нуждается...

– Какой кошмар! Хотя я всегда знала, что произвожу впечатление эдакой Зои Космодемьянской. Но вообще я человек разный, настоящий Близнец, которого во все стороны раскачивает. Хотя после тридцати пяти становится полегче.

– Наверное, это еще один стереотип в отношении вас, но иногда кажется, будто вы можете любые неприятности перенести с улыбкой...

– Я сама себя пыталась анализировать, чтобы понять, почему у меня, как правило, не бывает слез даже в очень тяжелых ситуациях. И, наверное, дело здесь в том, что мое поколение воспитано на книгах о пионерах-героях. Вот мои одноклассники, с которыми я продолжаю общаться, они все такие же. Все на юморе, на позитиве, терпеливые и невероятно стойкие люди. Книги – великая вещь. Они воспитывают.

– Вы сейчас довольно часто общаетесь со студентами, которые тоже хотят работать на телевидении. Насколько они отличаются от тех, кто работал в этой сфере во времена, когда вы пришли на ТВ?

– В принципе, они такие же, как и мы в свое время. Жадные до знаний, которые дают возможность сделать карьеру. Это хорошая жадность, она мне нравится. Не знаю, насколько смогу им помочь, но мне очень нравится работа, со студентами я прямо кайфую. Вообще профессия телеведущего одна из самых

неправильных в смысле своей ненадежности. И нацеливаться на нее всерьез, может быть, и не нужно. Но когда я у студентов спрашиваю: «кто хочет стать телеведущим» – то сразу лес рук. Хотя на вопрос «смотрите ли вы телевидение», руку поднимает один или два человека. Вот в этом парадокс. Люди не смотрят телевизор, но хотят быть телеведущими.

– Вы сами часто смотрите телевизор?

– Конечно, смотрю, но чаще кино на Первом канале.

– За то время, что вы работаете на ТВ, технологии совершили какой-то невероятный скачок. Сейчас даже те, кому около сорока, запросто могут почувствовать себя динозаврами. Как вы себя ощущаете в этом новом мире стримингов, youtube-каналов и других современных примет?

– Я обожаю технологии, всякие новинки, и вообще мне нравится, когда все идет вперед, это захватывает. Правда, новые волны очень быстро смывают друг друга. Не успеваешь к чему-то привыкнуть, как уже появляется что-то новое. И наша задача быть все время в тренде, знать и про музыку, и про гаджеты. И чем старше я становлюсь, тем больше мне это интересно.

– То есть вы слышали про блогера Настю Ивлееву, сериал «Чики», рэпера Моргенштерна?

– Конечно. Я на съемках пару раз включала для группы Моргенштерна, чтобы они взбодрились. Там много слов, которые я не люблю, но люди сразу воспряли духом. Так что Моргенштерн для нас это такой бодрячок.

– Мы с вами разговариваем, и вы ведете машину...

– Нет-нет, я с водителем, сама бы уже давно куда-нибудь въехала. (Смеется.)

– Но все-таки вы в движении. Только что вернулись из одной командировки, собираетесь в другую. Создается впечатление, будто вы женщина без слабостей. Вам вообще знакомы какие-

нибудь проявления человеческой мягкотелости? Полежать на диване, торт съесть, бокальчик выпить?

– Лежать я долго не могу. И сидеть тоже. Вот еду со съемок, где почти шесть часов нужно было сидеть, и это какой-то кошмар, мне все время хочется походить, попрыгать. А тортики я люблю. Вот купила круассан на утро, хотя понимаю, что лучше бы его не есть, но нужно же себя порадовать. Если что, потом сяду на диету. Я то на ней сижу, то бросаю, вот так и живем.

– С внуками вы кремень или из вас можно веревки вить?

– Не кремень, они сильнее меня. Так что я им не сопротивляюсь: «Да-да, конечно, деточки мои любимые».

– Дни рождения праздновать любите?

– Вообще я всегда праздную, причем бывает, что широко и громко. Но в этом году нам не до праздников. Так получилось, что ушли из жизни мои родители, у мужа умер отец, так что в мой день рождения мы тихонечко от всех спрятались. Но друзья, конечно, меня догнали.

The logo consists of the letters 'MKRU' in a stylized, bold font. The 'M' and 'K' are blue, while the 'R' and 'U' are red. The letters are slightly shadowed, giving them a 3D appearance.

По тексту Ильи Легостаева